

Екатерина Нейфельд
Нешедевры

Екатерина Нейфельд

НЕшедевры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17854148

ISBN 9785447461911

Аннотация

«Красивее всего – простота. Честнее всего – простота. О самом главном обычно говорят без пафоса. А самое важное кроется в мелочах. Деревенский дом, старая городская улица, мамина колыбельная, детский рисунок – всё это НЕшедевры. Но мы любим их гораздо больше красивых и совершенных вещей. Мы живём среди НЕшедевров и делаем их сами. Я пишу НЕшедевры с семи лет. Это мой способ сказать миру что-то важное».

Содержание

Вместо вступления	5
Проза	6
Привет	6
Картинки детства	7
Книжный госпиталь	10
Музей дома	12
Kazan	17
Кризисные дети	21
Игра	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

НЕшедевроы

О главном – без пафоса

Екатерина Нейфельд

*Эта книга для того, кто хоть раз влюблялся,
сомневался, обижался, ревновал. Для того, кто
взрослел и менялся*

Она именно для тебя

© Екатерина Нейфельд, 2016

© Яна Нейфельд, дизайн обложки, 2016

© Наталья Нейфельд, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо вступления

О чем ты мечтаешь? Напиши. Когда говоришь о мечте вслух, она рассеивается по воздуху и разбивается о первую встречную стену. Сегодня в мире очень много стен. Поэтому не говори о мечте, лучше напиши ее. В буквах, этих маленьких черных закорючках, есть магия. Они цепляют самое важное из хаоса сознания и подсознания, закрепляют это важное в реальном пространстве. Напиши. Я начну, помогу тебе.

Хочу вдохнуть аромат своей книги. Чтобы собранные по крупицам важные для меня вещи поселились на хрустящих страницах и согревались мягким светом абажура. Чтобы кто-то живой и настоящий, на соседнем сиденье или за сотни километров, тоже вдыхал мою книгу. И, засыпая, клал ее под подушку...

Проза

Привет

В бесконечном онлайнe теряет смысл написанное слово «привет». Всё время о нём забываю. Это всё равно, что смотреть на человека часами, сто раз проходить мимо и вдруг, ни с того ни с сего, решить поздороваться. Зачем «привет», если мы вживую попрощались так давно, что теперь срabотает только ускорить шаг, обнять до хруста и промычать это «привет» куда-то в шею.

В коротких сообщениях и так слишком мало знаков, чтобы тратить их на пустые приветствия. Сразу – к делу. Возвращайся скорее.

Картинки детства

Я научилась чувствовать своё детство. Солнце, вкусный воздух, какая-нибудь деталь для ассоциаций – вот набор, чтобы смотреть картинки.

Девятая весна. Серая ветровка с железными пуговицами. Слякоть, солнечные полосы, кучка красных жуков-солдатишков. Не понимаю, почему некоторые из них ползают по двое, скрепившись попами? И как может второй ползать задом? Ему, наверное, неудобно. Спасая пленника – разделяю палочкой.

Зима. Длинная горка, а рядом – короткая, но крутая, для отважных. Сотню раз вниз-наверх. Варезки на резинке, мокрые, а потом – твердые, заледенелые. Сосульки свисают с шерстяных штанов. Хохот, горящие ледяные щеки. Внезапные, но тягучие сумерки. Не уютно, чувство сиротства в этих сумерках. Домой!

Вся одежда развешана по батареям. На столе густые щи, едим вприкуску с луком.

А ещё зимой забираюсь под елку и честно жду чуда. Подарки приоткрыты, и оттуда – запах шоколада и мандаринов.

Сентябрь. После лета портфель кажется тяжелым – ноют плечи. Обложки для тетрадей делает бабушка: достает из дивана огромный моток целлофана, клеит утюгом в обложки. Нюхаю чистые тетрадки.

Октябреноябрь. Самодельный дождевик с красной тесемкой. Фиолетовые резиновые сапожки с объемной картинкой-грибом будто разговаривают с лужами, листьями и жижей: «хлюп-хлюп-хлюп». Осенью хожу медленно. Мечтаю.

Первый снег. Прошу бабушку достать из сарая санки. На полозьях скрепит земля. Толкаешься, толкаешься ногами – не едут. Тогда просто сижу и разглядываю снежинки на варежках. Ближе, внимательнее – тают.

А когда лето, то пальцы желто-зеленые от одуванчиков. В обуви – песок. Розовый велосипед, бадминтон, фантики под стеклом. Переулки, заборы, срубы и шалаши. Скрип фляги с водой. Запах сена. В сене искали ягоды, нашли – пряные, подсохшие. Вкусно...

Книжный госпиталь

Дочь любит книги. Видит новую, с яркой картинкой – замирает, распахивает глаза, тянет к ней ручки, осторожно заглядывает внутрь. За моими, толстыми взрослыми книжками, тоже тянется. И чем настойчивее ее не пускаю – тем яростнее она пытается добраться. Увидев книжку знакомую, подпрыгивает на месте, визжит радостно, и уже по-хозяйски листает, находит любимые картинки. Дочери восемь месяцев, руки еще не слушаются её как следует. Резкое движение маленьких пальчиков – и страница трещит, рвется, сминается. А вместе с ней – трещит и сминается моё сердце. Собираю оторванные кусочки и быстро соображаю: где же у нас скотч?

В моём детстве у нас дома был книжный госпиталь. Первого раненого бойца притащила в дом мама, со склада макулатуры. Сильно потрепанная серо-бурая пачка листов – зачем она взялась их спасать? Но мама села за операцию. Приготовила гипсовые повязки: ровные полоски бумаги, промазанные свежесваренным клейстером. Подобрала страницы – наложила повязки. Обложке сильно досталось. На ней ничего нельзя было разобрать, она вся напоминала кусок старой скатерти, залитой чаем. Мама, как опытный пластический хирург, сделала книге лицо. Обернула разбухший «чайный» картон новой белой плотной бумагой. Достала гуашь, нари-

совала на обложке Незнайку: синяя шляпа, оранжевые штанишки, веселый рот, хитрые глаза. Для верности, надела пациенту маску: утюгом склеила из целлофана. Реанимированная книга стала любимой. Много лет мы слушали на ночь рассказы о приключениях маленьких человечков в Солнечном городе и на Луне.

С тех пор мы регулярно приносили раненых из библиотеки и лечили. Кажется, я специально выискивала на полках самые тяжелые случаи: инвалидов, от которых уже то ли стыдливо, то ли с отвращением отводили взгляд. Несла их домой бережно, чтобы не рассыпались, накладывала гипсовые повязки-полоски, делала им новое лицо. Мне хотелось, как говорят в американских фильмах, «дать им еще один шанс». Чтобы они еще были нужны и любимы.

Но был у меня и безнадежный пациент. Алиса Кира Булычева потеряла где-то несколько важных страниц. Ну, как если бы человек потерял безвозвратно ноги: жить можно, но... Однако, человека можно любить и без ног. Можно даже любовно придумать, какие были ноги: наверное, стройные, с аккуратными квадратными ногтями, и родинка была у щиколотки.

Музей дома

В нашем доме в Николаевке сорок пять картин. Их авторы – Эрна, Наталья и Яна Нейфельд, мои прабабушка, мама и сестра. Было время, когда картины путешествовали по выставкам. Тогда дом пустел и словно слеп. Последние несколько лет картины живут здесь. Я давно здесь не была, а когда приехала, то словно впервые их увидела и вдруг многое про нас поняла.

Неизвестная

Прабабушкины картины – в позолоченных гипсовых обрамлениях. Вторую половину жизни она провела в посёлке Канадей. Там, конечно, не было багетных мастерских. Бабушка сама распиливала фанеру, натягивала холсты, сама лепила рамки. Эрна Абрамовна работала учительницей, а живопись была её хобби. Изобразительному искусству она училась сама, копируя полотна художников.

Одна из таких учебных копий висит у нас в центре гостиной: у «Неизвестной» Ивана Крамского есть близняшка, сделанная Эрной Нейфельд. Хотя нет, это не близняшка. Наша «Неизвестная» мягче, женственнее, в её глазах больше доброты, чем гордости. Я с рождения привыкла видеть «Неизвестную» такой. Позже, когда узнала и оригинал, опреде-

лилась сразу и навсегда: наша девушка лучше, она тёплая, а у Крамского – снежная королева.

По-соседству с «Неизвестной» – портреты внуков Эрны Абрамовны, то есть моей мамы и дяди. Маме лет девять, дяде лет шесть. Пусть мама потом выросла из бантиков, а дядя из детских кепочек как на картинке. Когда они дома и расслаблены, выражения их лиц точно такие как детских портретах.

Прабабушка говорила, что намерено делает людей на портретах симпатичнее, чем в жизни. Говорила, что именно так их видят глаза любящего человека.

Рисовала Эрна Абрамовна и пейзажи. В спальне две больших картины: над озером летят журавли, и наступает закат в лесу. В детстве, перед тем как уснуть, я долго рассматривала их. Представляла, что брожу по этому лесу, вижу, как солнечные лучи напоследок глядят листья деревьев, слышу, как стучит дятел и пахнет хвоей. Знаю, что за поворотом стоит пряничный домик. Или оказываюсь на спине одного из журавлей: вижу сверху озеро, маленьких людей и коров... Картины плавно перетекали в сказочные сны.

Виноград

Моя мама в детстве проводила много времени с Эрной Абрамовной. Она очень хотела быть похожей на бабушку, и стала. А ещё соединила в своей жизни бабушкины работу

и хобби: стала преподавать изобразительное искусство. Мама часто повторяла, что романтические истории про нищих художников – это больше сказки. Если человек, умеющий рисовать, не ленив, он всегда сумеет заработать себе на хлеб с маслом.

И она зарабатывала, даже в самые тяжёлые времена. Были и «госзаказы». Например, картина обороны Севастополя во всю стену в Николаевской школе – её рук дело. Расписывала целые залы в районном музее: белая комната превращалась в джунгли. А ещё она делала таблички с названиями улиц и номерами домов, которые теперь висят по всему посёлку. Частники заказывали ей вывески для своих магазинов, рекламные стенды и прочее.

А вот на настоящих картинах мама зарабатывала мало. Люди легко отдают десятки тысяч рублей за новый телевизор, но не понимают, как можно отдать эту же сумму за «пару мазков кисточкой». Поэтому картины мама продавала за копейки. Самыми популярными заказами были «Осень» и «Сирень». Однажды к маме пришла «оригинальная» заказчица, она попросила нарисовать большую сочную веточку винограда.

Я влюбилась в этот натюрморт с самого начала. И очень радовалась, когда сконфуженная женщина пришла и сказала, что не будет забирать заказ, потому что муж запретил ей тратить деньги на всякую ерунду.

Виноград какое-то время жил у нас, а потом мама пода-

рила его очень хорошему человеку, врачу.

Вообще такое часто бывало, когда мама снимала со стены какую-то картину и дарила гостям, или несла кому-то в подарок на праздник. Она говорила, что нужно освободить место, иначе новые не нарисуются. Говорила, что так нужно обращаться со всеми вещами и с деньгами.

Девочка

Живя в такой творческой атмосфере, я поначалу тоже собиралась стать художником. Хотела рисовать мультики. Обращаться с карандашами и красками у меня получалось неплохо, но я не горела этим. Моя сестрёнка Яна, как все дети, тоже любила сидеть и рисовать. Но однажды, посидев тихонечко за своим столом пару часов, она принесла показывать нам портрет девочки, сделанный по фотографии. Мы не поверили своим глазам. Яне было одиннадцать лет, а в руках она держала картину, мало чем отличающуюся от тех, что делает мама. Тогда я поняла, что художественный талант передаётся в нашей семье по женской линии: но не каждой, а через одну.

Мама не удивлялась потрясающим результатам Яны, которые стали появляться один за другим. Она говорит: знак о том, что младшая дочь станет художницей, был уже в первый год её жизни.

Мама на дому реставрировала картины из городского

музея. Отлучилась на несколько минут. А дочь подползла к портрету исторической личности, взяла кисточку, макнула её в масляную краску и пририсовала личности усы.

Несколько лет назад в Николаевке не было художественной школы. Ради Яны мама организовала художественной класс на базе школы искусств. Дочь получила корочку об общем художественном образовании, подготовилась к поступлению в вуз, стала учиться на факультете культуры и искусства в Ульяновске. А класс остался, вместе с Яной сотни детей получили профильные знания, многие поступили и продолжили учиться по специальности.

Среди остальных картин Яны в нашем домашнем музее тот самый первый портрет девочки висит в рамке, в самом центре комнаты. Он важен, ведь с него началось много важных событий.

Почти на всех картинах авторства Нейфельд – люди. Разглядеть суть человека, показать, что каждый человек особенный и в каждом есть красота – это образ жизни и её смысл.

Kazan

Моя Казань – это Казань девяностых. Это сталинки и хрущёвки. Подъезды тёмные, с острыми запахами: подвалов, сигарет, подгнившего мусора. Во дворах – скрипящие барабаны для бега, облезлые песочницы и железные качели. В нашей сталинке на первом этаже был огромный, но какой-то пустой магазин. Товары расставляли так, что между ними был воздух. Витрины мутные, а за ними – яркие фантики с иностранными надписями. Шоколадные батончики стоили десять тысяч рублей. Однажды утром последние три нуля во всех ценниках зачеркнули красным. «Смотри, что у меня есть, это новая», – говорит бабушка и протягивает мне блестящую копейку. Я долго рассматривала ее: маленькие буквы, завитки, человечка на коне и с палкой. Кукольная денежка.

Гуляли в парке Химиков. Качели там держали не обычные балки, а медведи, журавли, лисички и два волка-близнеца из «Ну, погоди». Нужно было покачаться немного у каждого, чтобы никого не обидеть. А еще там стояла огромная голова дядьки Черномора. Можно было забраться к нему в голову, и быстро съехать вниз, вылететь прямо изо рта. Четырёхлетняя сестрица боялась дядькиной головы и соглашалась забраться в тёмное ухо только вместе мамой.

На новый год в парке появлялась треугольная ёлка. Чтобы

увидеть горящую звезду, нужно было вытягивать шею до боли. Появлялся сказочный городок. Вспоминаю теперь, что это были всего-то раскрашенные куски фанеры с подсветкой изнутри. Но раньше для меня это были волшебные замки, я точно представляла, что внутри целая жизнь: залы, спальни, камины, принцы и придворные. Вон наверху горит окошко – там принцесса уже переделалась в пижаму и читает книжку, сидя на стульчике с гнутыми ножками.

В доме культуры устраивали фотозону: снег из ваты, цифры из мишуры, самошитый символ года, набитый поролоном и тряпьём. Желающих снимали на полароид. В зимние каникулы в доме культуры были не детские представления, а ярмарки и презентации иностранных продуктов. Мы попали на дегустацию нового сока. Можно было пробовать каждый вкус бесплатно. Мы пробовали по целому стаканчику.

Под окнами грохотали трамваи и не давали проспать в школу. Папа тащил меня, сонную, через дворы, через рынок, где в полутьме люди уже сновали туда-сюда, громко переговариваясь на двух языках. Папа своими длинными ногами шагал широко, а я семенила за ним, почти бежала, путалась в колдобинах, спотыкалась и часто разбивала в кровь пальцы и коленки. Зато обратно можно было идти не спеша. Читать вывески: «Да-ру-ха-нэ – Аптека. А-шам-лык-лар – Продукты». Рассматривать ерунду на прилавках: лизуны, пружинки-радуги, наклейки. Папа разрешал бросить монетку в автомат. Я всегда выигрывала. Именно тогда ре-

шила, что я – очень везучий человек.

На выходных шли в гости. Далёко: по песку, мимо кустов, кошек и собак, мимо деревянных одноэтажных домов, мимо колонок. Пахло болотом.

Теперь уж в Казани не осталось деревянных домов на болотах. Болота засыпали и надёжно прикрыли сверху стеклянными небоскрёбами. Облупившийся фасад сталинки закрасили новым слоем, выгнали запахи из подъезда и заперлись от них на железную дверь с домофоном. Магазин засыпали товарами. Дворы стали яркие и пластиковые. Парк застелили приторно-зелёным газоном. Куда – то дели лис и волков вместе с качелями, сладили даже с огромной головой Черномора. Ни качелей, ни горок там теперь совсем нет, зато есть много разных спортивных площадок.

Выкопали у рынка метро, но сам базар на месте. Я видела его таким же, как двадцать лет назад буквально вчера. «Да-ру-ха-нэ – Аптека. А-шам-лык-лар – Продукты». На перевернутых ящиках продают веники, щётки, мочалки, носки, трусы, шампуни. Ну подумаешь, вместо игровых автоматов поставили ларьки Быстроденег. Хозяева-то всё те же. Из цветочной палатки поёт Земфира: «Меня убивают, из „эмки“ стреляют в левую мышцу». Коротко стриженный папаша в спортивном костюме везёт мимо коляску, откуда (честное слово!) играет монофоническая мелодия из «Бумера», на звонки ее ставили.

Рынок жив, но вокруг него, повсюду, рабочие в аккурат-

ной форме выбивают из города девяностые: меняют вывески, перекладывают дорогу, засыпают ямы.

Я почти вынырнула из прошлого, почти ступила на новый гладкий асфальт, но тут показалось, что сзади меня высокий мужчина тянет за руку белокурую девочку. Я оглянулась, споткнулась о границу новой дороги и разбила палец в кровь.

Кризисные дети

Настало такое время, когда мировой кризис, автокредиты и ипотека мешают людям заводить детей. «Сначала нужно встать на ноги», «я не хочу, чтобы мой ребенок в чем-то нуждался», «дети – это дорогое удовольствие», – эти фразы стали показателем здравомыслия и серьезности молодых людей, которые вступают в детородный возраст. Все эти постулаты мне не нравятся. Более того, беспокоит меня мысль совершенно противоположная: «Что хорошего вырастет из моего ребенка, если у него будет слишком хорошее детство?»

Мои родители решились на детей в то время, когда разваливалась страна. Когда продали дом ради другого, получше, а через несколько дней на эти деньги можно было лишь как следует поужинать. Родители были очень молоды, в них было много сил и любви. Теперь я каждый день мысленно говорю им спасибо за их «безалаберность».

Мы переезжали раз десять. Одно и первых моих воспоминаний – это поезд. Папа будит меня среди ночи, засовывает под мышку и выносит на темный вонючий перрон. Нужная электричка – только утром, и мы ждем ее на вокзале (на комнату отдыха денег нет). Мама рассказывает сказки, и под них мы засыпаем калачиком на жестком кресле, с курткой под головой. С тех пор я умею высыпаться где угодно.

В одной из наших квартир были тараканы. Неистребимые.

Мы встречали их на крышке унитаза, они шуршали ночью где-то на потолке, иногда катались на сестричкином мячике. Теперь я вряд ли упаду в обморок от вида какой-либо букашки.

Другая квартира была без воды и канализации. Воду для хозяйственных нужд сначала надо было занести на второй этаж, а потом столько же – вынести. Субботняя стирка требовала напряжения всех моральных и физических сил. Поддерживать чистоту тела мы научились лишь с помощью чайника, ковша и двух тазиков. Вы же понимаете, что теперь я молюсь на стиральную машину, а сезонное отключение горячей воды вообще не воспринимаю как трагедию?

Мы жили и в большом городе, и в поселке. Кажется, было начало двухтысячных, когда в этом самом поселке две недели не было света. Нигде. Люди закидывали тухлым мясом дом главы района, а наши нервы были более-менее в порядке, потому что у нас не было мяса. У нас были волшебные вечера со свечами, песнями под гитару и вареной картошкой. Тогда мы особенно много разговаривали друг с другом.

Зимой в поселке бывали перебои и с теплом. Но жизнь-то текла своим чередом: мы учились играть на пианино в перчатках, спали в свитерах и в обнимку. А еще мама учила нас самоконтролю: «Представь, что ты – солнце, большое горячее солнце. Представь как следует – и станет теплее». Теперь я уверена, что комфорт – это не обязательно шикарный дом с дизайнерским ремонтом, садом и бассейном. Комфортный

дом – значит просто теплый и светлый.

В детстве я узнала цену деньгам, научилась изобретать ужин из ничего, радоваться любым подаркам. Бытовые неудобства теперь не влияют на моё настроение.

У нас с мужем похожее детство. Мы считаем, что «встали на ноги», потому что теперь когда угодно можем пойти и купить импортную шоколадку. «Встали на ноги», но продолжаем радоваться как дети простым вещам. Недавно мы впервые купались в море и заимели велики, о которых мечтали двадцать лет. Нас не пугают разговоры из телевизора о кризисе, ведь мы росли в нем и были счастливы. Кризис приспособил нас к жизни лучше любых школ раннего развития.

Я не хочу, чтобы наша дочь выросла тепличным цветочком. Но как только подобные опасения начинают меня посещать, я вспоминаю, что она живет в стране, которая умеет воспитывать, раздавая щедрые порции потрясений каждому поколению.

Игра

Когда-нибудь мне надоест играть: не пушу внутрь ни страсти, ни азарта, которые так опасны для душевного состояния. Чтобы не чувствовать смерти, найду себе обманку типа лото, домино или шашек. Буду собирать друзей, чтобы показать: «Смотрите, я еще играю! Эхехей, сейчас всех вас сделаю!» Но на самом деле будет всё равно, выиграю или нет. Будет хорошо, от того, что всё равно. От того, что так спокойно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.